

В. Н. Адаев

**«А ОСТЯКИ — ОНИ ЖЕ ЛЮБИТЕЛИ ОДИНОЧЕСТВ...»:
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
У НАСЕЛЕНИЯ РЕКИ ДЕМЬЯНКА В XX—XXI вв.**

*Теоретическая подоплека и проблематика
исследования*

Вопросы, связанные с этноидентичностью, рассматриваются разными научными дисциплинами: этнологией, психологией, социологией, политологией. Но именно для этнологии тема этнической идентичности является одной из ключевых. Периодически она становилась предметом жарких теоретических споров, камнем преткновения, результатом которых было выдвигание ряда важных теоретических положений. Некоторые из них легли в основу данной работы.

Наиболее яркими возмутителями спокойствия на поле теории этноидентичности стали норвежский исследователь Ф. Барт и отечественный ученый В. А. Тишков. Первому мы обязаны новыми идеями в понимании природы этничности и эффективными подходами к ее изучению, второму — распространением в нашей стране критического подхода к пониманию этничности как незыблемой и однозначной категории. Однако нельзя забывать, что этничность, наряду с гибкостью, изменчивостью, временами даже эфемерностью, имеет еще одно важное качество — живучесть, способность к «возрождению». Смену научной парадигмы в этом ключе наглядно иллюстрирует высказывание американских ученых Н. Глэйзера и Д. Мойнихена. Они писали, что если ранее этническая проблема рассматривалась как пережиток более ранних эпох, то теперь «надежда на существование общества без этничности... может быть столь же утопична и сомнительна, как надежда на существование общества без социальных классов».¹ Еще один американский автор, чьи научные подходы оказались полезны для настоящей работы, Р. Дженкинс, акцентировал внимание на том, что для формирования и поддержа-

ния этнической идентичности важна не только внутренняя идентификация (определение «нами»), но и внешняя категоризация (классификация «ими»)².

Учитывая вышеперечисленные теоретические положения, постараемся выявить на этнографических материалах Севера Западной Сибири и систематизировать некоторые локальные особенности сложной картины функционирования этнической идентичности. Многоликость, причудливое сплетение реальности и представлений о ней, сосуществование самых противоречивых концепций — все эти черты этничности как нельзя лучше можно проиллюстрировать примерами, взятыми из жизни многонациональных территорий. К ним, в частности, относится бассейн реки Демьянка (правый приток Иртыша), протекающей в южнотаежной зоне Уватского района Тюменской области.³

Этническая палитра Придемьянья

В силу своей окруженности болотами бассейн Демьянки — достаточно изолированная и хорошо выделяемая территория. Уникальность региона подчеркивается тем, что примерно на его широте проходила северная граница распространения пашенного земледелия и одновременно здесь же локализовался южный предел оленеводческого хозяйства. Если добавить к этому высокую ценность охотничьих угодий и довольно обособленные условия жизни (которые, с одной стороны, привлекали желающих скрыться от «государева ока», а с другой — способствовали сохранению культуры и традиций), то этническая пестрота демьянской территории покажется вполне закономерной.

В долине Демьянки в XX в. проживали устойчивые коллективы четырех этносов — хан-

¹ Glazer N., Moynihan D. P. Introduction // Ethnicity. Theory and experience. Cambridge, 1981. P. 4, 5.

² Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations. London, 1997. P. 23, 73.

³ Демьянка — крупный приток нижнего Иртыша, берущий начало в Васюганских болотах. Длина реки — 1159 км, площадь бассейна — 34,8 тыс. км кв. Более подробный анализ природных условий и этнической истории см.: Адаев В. Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // Урал. ист. вестн. 2010. № 2. С. 126–130.

тов, эвенков, русских и чувашей. Кроме того, в течение нескольких десятилетий здесь жили небольшие группы поляков и немцев, а до 1970-х гг. с Прииртышья приходили на сезонный промысел сибирские татары и коми.

Важной чертой двух этнических коллективов Демьянки была их неоднородность. Так, ханты были представлены двумя этнолокальными группами, имевшими заметные отличия в культуре и языке: а) собственно демьянскими хантами (далее — стародемьянские) — представителями южной этнографической группы народа; б) северными переселенцами с реки Большой Юган (далее — юганцы), их от демьянских сородичей отличало занятие оленеводством. Стародемьянские ханты довольно рано подверглись ассимиляции русскими. В первой половине XX в. они были малочисленны и проживали в низовьях реки, а к началу 1980-х гг. прекратили существование как этническая группа. Юганцы уже с XIX в. чувствовали себя хозяевами на охотничьих угодьях средней и верхней Демьянки. В 1940–1970-е гг. часть их осела здесь, причем численность поселенцев постоянно колебалась вследствие переездов, но вряд ли превышала 150 человек. В наше время они насчитывают около 50 человек и отличаются высоким уровнем сохранности культуры.

В составе русских также выделяются две группы: а) сибирские старожилы, начавшие активно заселять долину Демьянки в 1920–1930-е гг.; б) поздние переселенцы (смешанная группа восточнославянского населения с преобладанием русских), начавшие появляться на Демьянке в основном с 1940–1950-х гг. Старожилы составили основную и наиболее стабильную категорию русских жителей Демьянки почти по всему бассейну реки. В верховьях и среднем течении многие из них перенимали хозяйственную модель охотничье-рыболовческого образа жизни юганцев. Поздние переселенцы селились в основном в низовьях, причем их состав часто обновлялся. Лишь немногие из них окончательно стали промысловиками и слились с сибирскими старожилами. Максимальная численность русских на Демьянке в 1950-е гг. достигала 500 человек (без учета спецпереселенцев), причем около 80 % было сосредоточено в низовьях реки. В настоящий момент лишь единицы потомков русских старожилов проживают на демьянских угодьях. Большинство русского населения выехало оттуда в 1970–1980-е гг.

Демьянские эвенки и чувашаи были малочисленными и гомогенными этническими коллективами. Группа эвенков появилась здесь в конце XIX в. Это было несколько больших семей переселенцев с Енисея, которые остановились на болотах междуречья Демьянки и Туртаса. Как и юганцы, они были оленеводами, но вели более интенсивный кочевой образ жизни. Ввиду малочисленности эвенки вынуждены были активно вступать в брачные связи с представителями других этнических групп. Поколение, родившееся в 1950–1960-х гг., утратило практически все элементы национальной культуры. Тем не менее, на Демьянке и Туртасе ныне проживает около десятка человек, называющих себя эвенками. Несколько семей чувашей Омского Прииртышья бежали от преследования властей на Демьянку в 1930–1940-х гг. Несмотря на малочисленность, они сохраняли в течение нескольких поколений свой язык и православную веру, при этом в браки вступали в основном с эвенками и русскими. Сегодня численность их потомков на Демьянке составляет около 15 человек. Значительное количество бывших жителей реки из числа русских, эвенков, чувашей проживает еще в низовых поселках Демьянка и Соровой, тяготеющих к железной дороге Тюмень — Сургут, а также в Уватском и Омском Прииртышье.

В 1920–1930-е гг. в верховьях Демьянки проживала немецкая чета и несколько семей поляков (потомки ссыльных участников Польского восстания 1863–1864 гг.). Поляки и немцы оставили короткий, но заметный след в местной истории, однако за давностью лет об их взаимоотношениях с соседями удалось собрать лишь фрагментарные сведения.

В 1920–1970-е гг. на Демьянке ежегодно появлялись многочисленные сезонные промысловики, приходившие из Омского и Уватского Прииртышья: в основном это были русские старожилы, сибирские татары и коми-зыряне. Они нередко имели на Демьянке закрепленные угодья, и их срок пребывания в тайге варьировал от нескольких месяцев до полугода. Однако они ощущали себя и воспринимались постоянными местными жителями как люди пришлые и временные, и можно говорить лишь об ограниченном участии этой категории населения в межэтническом диалоге Придемьянья. Еще более ограниченными были внешние контакты представителей депортированных народов (немцы, калмыки, украинцы и др.), появившихся в ни-

зовьях Демьянки в 1940-х гг. и выехавших оттуда в 1950–1960-е гг. Поэтому в данной работе они не рассматриваются.

Таким образом, в центре нашего внимания будут находиться коллективы четырех основных этносов демьянской территории, материалы по которым иногда будут дополняться данными по полякам, немцам, татарам и коми.

*Этнические группы:
внутренняя идентификация
и внешняя категоризация*

Опираясь на подходы Р. Дженкинса, попытаемся обрисовать картину зафиксированных на Демьянке знаний и представлений (стереотипов) об этнической принадлежности, о своих и чужих этнических группах. Картина эта почти по всем пунктам обнаруживает многообразие их вариантов, представленных в исторической ретроспективе или в одновременно существующем разбросе мнений.

Первым показателем идентификации этнической группы является ее этноним (внутренний и внешний). Представим основные этнические общности Демьянки и этнонимы, которые по отношению к ним использовались.

Ханты (народ в целом; здесь — стародемьянские ханты и юганцы вместе). Самоназвание в юганском варианте — *ханты-ко*. Экзоэтнонимы⁴ — остяки, хантыйцы, ханты.

Стародемьянские ханты. Самоназвание — *нимьян-ях*. Экзоэтнонимы — демьяновцы, демьяношные остяки, остяки, ханты.

Демьянские юганцы. Самоназвание — *ягун-ях*. Экзоэтнонимы — юганцы, юганские ханты, югановские, ханты.

Выделяются местные особенности в использовании и трактовке приведенных этнонимов. В частности, зафиксировано несколько вариантов понимания содержания этнонимов «остяк» и «хант»:

1) Термин «остяк» как обозначение стародемьянских хантов (а также иртышских и туртасских) противопоставлен термину «хант», под которым понимались юганцы. Примеры: «Нация другая у хантов-то. Остяки, они как порусее, что ли... Хантов много, а остяков мало осталось» (Маргарита К., 1930 г. р., русская старожилка Демьянки). «Юганцы — это другая нация. Остяк своей верой верует, хант — своей. Юганцы — у их даже наряд не такой, как у остя-

ков, у их наряд хороший» (Евдокия А., 1937 г. р., русская старожилка Демьянки). В некоторых случаях указанное противопоставление этнонимов опиралось на хронологический принцип: «Хант и остяк — это совсем разные. Остяки раньше по реке жили. Ханты жили уже потом, после остяков. Остяки занимались рыбалкой, а потом они испарились... Тут пошла цивилизация, а остяки — они же любители одиночества» (Валерий Б., 1951 г. р., русский старожил Уватского Прииртышья).

2) Термины «хант» и «остяк» как синонимы, обозначающие стародемьянских хантов, противопоставлены термину «юганцы». Примеры: «Они не ханты были, они юганцы были» (Екатерина Т., 1932 г. р., русская старожилка Демьянки). Показательно, что аналогичная трактовка этнонимов отмечена у последней жительницы Демьянки, считающей себя стародемьянской хантыйкой: «Мы как ханты, вот. Ну, как местные, коренные жители, как называют — остяки или ханты. А это — югановски» (Тамара Б., 1936 г. р., стародемьянская хантыйка).

Эвенки. Самоназвание — *тунгус*. Экзоэтнонимы — тунгусы, остяки, эвенки.

Местные эвенки предпочитают называть себя тунгусами, и нередко их так и записывают в официальных документах (паспорта на стойбища, списки жителей и пр.). Более того, название «тунгусы», по мнению некоторых демьянских эвенков, отделяет их (вместе с енисейскими сородичами) от прочих эвенков, которые живут восточнее. Своей отличительной чертой они считают особый хозяйственный комплекс: «Эвенки — это люди, у которых в основном рыбалка и оленеводство. А у тунгусов — оленеводство и промысел, рыбалкой у тунгусов мало охотников заниматься» (Дмитрий Л., 1961 г. р., демьянский эвенк).

Вплоть до 1950–1960-х гг. в Уватском Прииртышье было принято называть остяками представителей всех местных северных народов без разбора, включая эвенков, что для других сибирских территорий было нетипично. Примеры: «У нас остяков и тунгусов не различали. Всех остяками называли. Восточные люди значит. Ну, «ост» — это восток. Где-то я вычитывал» (Михаил К., 1931 г. р., русский старожил Уватского Прииртышья). «Куликовы жили, остяки, да. Куликов Гриша, он был не хантыец, а тунгус. Раньше все на всех говорили остяки. Не разделяли кто хант, кто что» (Анатолий К., 1940 г. р., русский старожил Уватского Прииртышья).

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, приведены русские этнонимы, которые использовались и другими жителями Демьянки, независимо от национальности.

Отмечено некоторое современное продолжение этой традиции. Чувашка в воспоминаниях о своем бывшем муже эвенке настойчиво именовала его хантом, подчеркивая этим его низкий культурный уровень: «Мы жили в Куньяке и потом уехали в Немцово жить с ним. А что, мужик у меня хант так хант, ему надо все ездить. Не хотел ниче делать» (Мария Л., 1923 г. р., демьянская чувашка).

Русские. Самоназвание — русские. Экзоэтнонимы — *вырас* (чуваш.), *руть-ях* (хант.), русские.

Русские сибирские старожилы. Самоназвание — русские, чалдоны. Экзоэтнонимы — чалдоны, остяки.

Русские поздние переселенцы. Самоназвание — русские, расейские. Экзоэтнонимы, прозвища — расейские, легонькие охотники.

Задачи зафиксировать обычный для Западной Сибири набор этнонимов, относящихся к старожилам и поздним русским переселенцам, не ставилось. Интерес как раз представляют специфичные местные термины. Использовались они почти исключительно в кругу самих русских (старожилами и поздними переселенцами в отношении друг друга) и отражают довольно непростой характер отношений между двумя группами. Прозвище «легонький охотник» употреблялось старожилами-промысловиками Омского Прииртышья по отношению к появившимся близ демьянских угодий приезжим новичкам, неопытным в деле промысла и жизни в лесу.⁵ В низовьях Демьянки среди появившихся в 1940–1950-е гг. русских переселенцев встречалось нарочито небрежное смешение местных русских старожил со стародемьянскими хантами в общем термине «остяк». Иногда под этим подразумевалось вероятное родство русских старожил с местным хантыйским населением, иногда — неодобрение их сходного с хантыйским образа жизни.

Чуваши. Самоназвание — *чаваш*. Экзоэтноним — чувашаи.

Казалось бы, в данном случае представлена самая простая и однозначная картина с использованием этнонимов, но и здесь можно отыскать специфичные местные черты. Дело в том, что юганские ханты первоначально почти всех переселенцев Демьянки воспринимали русскими (*руть-ях*), будь то собственно

русские, украинцы, поляки или чувашаи. Этнические различия выявлялись (или не выявлялись) позднее, в результате более тесного общения. Некоторые обстоятельства могли заметно ускорить этот процесс. Так, войдя в отношения с демьянскими чувашами, ханты обнаружили у них близкие и полезные для себя культурные особенности. Обычай чувашских женщин использовать в качестве украшений дореволюционные серебряные монеты нашел большое понимание у хантыек (они по традиции нашивают подобные монеты на одежду и сумки). В результате монеты стали ценным объектом торга, а чувашаи приобрели в глазах юганцев важную черту, отличающую их от *руть-ях*.

Последний пример демонстрирует одну из общих закономерностей внешней этнической категоризации: чем более тесен межкультурный контакт, тем выше воспринимаемая этническая дробность соседей. Однако, как показали приведенные выше примеры, есть и обратная направленность: сознательное пренебрежение этническими различиями может выражаться в том, что отдельным этнонимам придается широкий смысл. Все это вносит заметную «разноголосицу» в этническую категоризацию населения Придемьянья, несколько сгладить которую призван следующий раздел данной работы.

Границы этнических групп

Здесь взят на вооружение исследовательский подход, предложенный Ф. Бартом. Суть его состоит в смещении фокуса исследования с внутреннего устройства и истории отдельных групп на их этнические границы и механизм их поддержания.⁶ В роли дифференцирующих признаков могут выступать самые разные культурные черты, которые кажутся важными как «изнутри», так и «снаружи» этнической группы. В данном разделе довольно схематично представлены следующие культурные черты: язык; внешний вид и физические особенности; «национальный характер»; религиозные представления и традиции; образ жизни, хозяйство и материальная культура; правовой статус. Следует отметить, что во многих примерах реальные знания об этнических группах тесно переплетены с устоявшимися представлениями (этническими стереотипами).

⁵ См.: Белоногов Т. П. О Тарском Васюганье и переходах через него (по сведениям, полученным от промышленников) // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 104.

⁶ См.: Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Boston, 1969. P. 10.

Язык является одним из важнейших маркеров этнической идентичности. В нашем случае все четыре этнических коллектива говорили на неродственных языках, исключавших прямое взаимопонимание. По воспоминаниям местных жителей, даже между языком стародемьянских хантов и юганцев различия были настолько существенны, что затрудняли общение. По сути дела, языковые различия представляли одну из важных границ между этими двумя этническими группами. «А у юганцев язык-то другой. Мы как ханты, вот... А это — югановски. Разный язык» (Тамара Б., 1936 г. р., стародемьянская хантыйка).

В XX в. русский язык стал на Демьянке основным средством межнационального общения, но до 1950–1960-х гг. здесь встречались русские, владевшие юганским диалектом, а среди эвенков — говорившие на трех языках — эвенкийском, русском, хантыйском. Одним из самых ярких моментов воспоминаний о немцах, живших в 1930-е гг. на Демьянке, был сильный акцент, с которым те говорили по-русски.

В течение XX в. демьянские эвенки полностью утратили свой язык, т. е. для них он перестал быть этнодифференцирующей чертой. В то же время юганцы и чувашаи (несмотря на свою малочисленность) родной язык сохранили, и нередко можно услышать рассказы о том, как они с выгодой для себя использовали возможность скрытно пообщаться в присутствии посторонних. Местные русские, в свою очередь, выражали недовольство по этому поводу: «Допустим, мы разговариваем, они меня понимают, а я их не могу понять. Говорю: “Говорите по-русски! Может вы убить приехали меня”. Они смеются» (Валентина Г., 1948 г. р., русская старожилка Демьянки).

Внешний вид и физические особенности. Ярким национальным костюмом среди местных жителей выделялись юганцы. Русские старожилы низовьев реки до сих пор помнят как одно из наиболее примечательных событий в их размеренной таежной жизни шумные приезды на оленьих упряжках гостей-юганцев, разодетых в пестрые праздничные одежды из меха и сукна. Несколько иначе таких гостей воспринимали в селениях прииртышских жителей, более далеких от таежной жизни: «Приедут, мы не рады — столько вшей. У них же бани нет, ничего нет. Эти малицы берут — зубами. Столько их было! Еще когда пойдут плясать... И у них эти, ножи вот, здесь были около

пояса. Вот перед собой крутят этот нож, а мы боимся, заревем... А они: “Мы же играем, это наша игра”» (Александра Ш., 1921 г. р., русская старожилка Омского Прииртышья). До настоящего времени у демьянских юганцев сохранился национальный женский костюм и зимний промысловый вариант мужского.

Эвенки, по воспоминаниям местных жителей, ходили в более скромных меховых одеждах, а часто и просто в фуфайках. Характерной чертой их костюма был пристегнутый к ноге длинный нож. Важные отличия костюма юганцев и эвенков вспоминает одна из старожилок: «Мама рассказывала, что только у хантов все бисером обшивают, а у тунгусов такого не было. И я не помню, чтобы у нас кто-то так одевался — была меховая одежда. Нож у нас к ноге пристегивали, а не на поясе носили» (Мария Л., 1956 г. р., демьянская эвенкийка). К нашему времени и эта этническая атрибутика эвенками утрачена.

Ряд важных отличий (границ) этнических общностей выделялся в их антропологических особенностях. В частности, для эвенков, кроме смуглости и темных волос, находили типичными и другие характеристики: «Что тунгусы были, у них с этого видно, что народ более мелкий и на лицо худощавые» (Сергей К., 1969 г. р., русский старожил). Делались попытки увидеть разницу и в антропологии юганцев и стародемьянских хантов: «Ханты маленькие, и морда у них продолгая. А у остяков морда округлая, и здоровые они» (Дмитрий Л., 1961 г. р., демьянский эвенк). Кстати, для большинства современных представителей демьянских эвенков (несмотря на смешение в течение двух–трех поколений с представителями других национальностей) характерные особенности внешнего облика по-прежнему остаются важной отличительной чертой.

Отличительными чертами хантов и эвенков другие жители Демьянки считали также их врожденные физические качества и способности, такие как умение безошибочно ориентироваться в лесу, выносливость и устойчивость к холоду. Один из русских охотников вспоминал: «Я ему говорил всю дорогу: “У тебя компас че — на чем сидишь, что ли?” Там горельники, а у него зрительная память исключительная была. Он мог месяцами жить без избышки. Тунгусы в основном костры жгли по тайге, им лениво было избышки строить. Никаких он наших русских не делал таких кострищ — ну, костер убира-

ешь, лапник ложишь, и все, в чем находишься и спишь. Такого не делал. Спал под лосиной шкурой. Мездрой вниз, шерстью наверх. Ну, все природные люди — они втянутые. Он не так потеет, он раз в неделю может высушить свои ичиги. Спит — как Чапай бурку... Он в суконном бушлате ходил, рукава вытаскивает — руки ж тоже греют. Свернется калачиком и спит. Ну, как, например, собаки, только нос не прячет». Этот же информатор образно пояснял, что врожденный характер таежных знаний эвенков не позволял им быть хорошими учителями для русских охотников: «Учить он не мог. Им не дано. Потому что они учить начинают нас сразу “читать”, а чтоб научиться читать, надо сперва буквы узнать» (Николай С., 1946 г. р., русский житель Уватского Прииртышья). Подобные же высказывания встречаются и о хантах, причем они популярны в основном среди русских промысловиков в первом поколении.

В то же время потомственные русские старожилы Придемьянья были близки по опыту и умениям к северным народам. Среди них тоже были мастера, способные выследить зверя по чернотропу, переночевать в зимнем лесу без костра, сориентироваться в незнакомой местности, не уступали они северянам и в результативности промысла. Показательно, что таких русских промысловиков жители прииртышских поселков иногда даже причисляли к хантам.

«*Национальный характер*». Здесь на первый план выходят стереотипные представления о национальном характере и культурных ценностях других народов. Не претендуя на большую глубину анализа, приведем сжатую сводку подобных представлений демьянского населения относительно каждого из четырех этнических коллективов.

Характерными чертами юганцев считаются строгое соблюдение традиции, суеверность, мирный нрав и инертность в обычном состоянии (обратная сторона которых — агрессивность и мстительность в пьяном виде).

Считается, что эвенкам присущи национальная гордость, склонность к независимости (граничащая с бесшабашностью), периодическая тяга к перемене мест. Кстати, в ходе опросов у эвенков выявлено самое глубокое среди демьянских жителей знание родословной и жизни предков.

Чувавам приписываются набожность, особое трудолюбие, крепкие семейные связи и высокая групповая солидарность (оборотной

стороной которой становится обвинение их в несправедливом отношении к нечувавам).

Русские не случайно представлены в данном случае последними: каких-то четких представлений об общих чертах их национального характера и ценностях зафиксировать не удалось. Вероятные причины: 1) русские не представляли на Демьянке однородной группы ни по происхождению, ни по фактическому состоянию; 2) у них не было необходимости отстаивать свою этническую самобытность. Вообще русским демьянцам была свойственна некоторая «культурная всеядность»: они легко перенимали отдельные черты культуры соседей. Однако чрезмерное «впитывание» чужого обычно осуждалось. Например, в Омском Прииртышье по отношению к людям, много общавшимся в лесах с юганцами, использовали неодобрительные выражения: «остячить», «быть в остяках» и др.

Религиозные представления и традиции. Религия определяет одну из существенных границ этнических групп и нередко особенно тесно переплетается с этноидентификацией. Это было типично особенно для первой половины XX в. Не случайно православие и ислам в рассказах пожилых информаторов обычно называются «русская вера», «татарская вера». Показательно, что, когда венгр Я. Янко в 1898 г. встретил среди стародемьянских хантов эвенка, те поспешили сообщить ученому, что тунгус — язычник.⁷ Тем самым они подчеркивали свое принципиальное отличие от тунгусов, хотя и сами исповедовали христианство довольно формально.

Наиболее эмоционально воспринимается ритуальная часть чужих религиозных представлений, в особенности языческих. Она может вызывать такие чувства, как страх, брезгливость, юмор, которые сопряжены с внутренним отторжением увиденного. Рассказ о религиозных традициях обычно насыщен гиперболами, сочными выражениями, и суть ритуала в нем заметно искажается. Приведем ряд характерных примеров.

Воспоминания чувашки о медвежьем празднике юганцев: «Они, знаешь, че? Наделают этих деревянных кукол, а это у их — бог или идолы ли. Вроде идолы. Вот этих кукол все поставят кругом, вот на их молятся и че-то поют, пляшут... Медведя, они его обдерут, ноги это

⁷ Janko J. Utazas Oszjakfoldre 1898. Neprajzi Museum. Budapest, 2000. P. 125.

все так, как вот белку обдирают. И потом туда запихают сено... Они его поставят — на четырех стоит, ну как медведь точно. Если кто-нибудь увидит, так ишо подумать можно — медведь. Пляшут-пляшут, так придут — ножом ткнут его. Опять потом пляшут-пляшут» (Мария Л., 1923 г. р., демьянская чувашка).

Рассказ русской о жертвенном месте стародемьянских хантов: «Там барана резали, кровь выпускали под этим кедром. И материя — байка, либо красное, либо какое-нибудь цветочное, так метров по 5–6 вешали. А отец наш идет и срывает у них, на портянки навертывал. Он никогда не верил никаким ни шайтанам, ни богам» (Екатерина Т., 1932 г. р., русская старожилка Демьянки).

Детское воспоминание русской о камлании шамана-эвенка: «Приезжал в Лумкой шаман. А ведь нам охота всем посмотреть, что за шаман. Глаза вылупили, бежим туда и в избу-то залезли. Зашли все в избу-то, сели, ну, а им надо лечить. Нам Кузя говорит: “Сидите, но не кричите, не шумите, ниче. Счас огонь угаснет, че будет, хоть страшно будет, не убегайте”. Слышим, он там заревел всяко: “А-э-а, э-э-а...”. Трясет, слышно, что его. На полу бьется, на полу там крутится. И кто-то из ребят как спичку шоркнул, и все. Он сразу же и перестал шаманить» (Екатерина Т., 1932 г. р., русская старожилка Демьянки).

Воспоминание русской о ритуале сибирских татар Уватского Прииртышья: «Один раз дак 12 костров развели и заставили меня прыгать. Это татар. Подцепили меня и все. Если я не прыгну через 12 костров, все, значит, мне голову отрубят. Сонька прибежала и говорит: “Не пошла со мной прыгать, я перепрыгнула! Быстро пошли на Омик садиться и обратно в Уват ехать! Иначе голову отсекут”... У их такая нация, у татар. Если она приехала с Руси, от русских — она должна перепрыгнуть 12 костров» (Евдокия А., 1937 г. р., русская старожилка Демьянки).

Когда встречались люди, религиозные традиции которых расходились не столь радикально, внимание уделялось более тонким различиям. В этих случаях юганец сетовал на то, что стародемьянские ханты почему-то могли кормить собак медвежатиной; эвенкийка говорила, что у юганцев обычаи похожи на тунгусские, но «какие-то ненормальные»; а русский подчеркивал, что поляки на могилах ставили такой же крест, только без косой перекладины.

Ближе к нашему времени религиозные границы этнических групп значительно ослабли. Потомки эвенков полностью утратили традиционные верования. Среди русских демьянцев встречается разнообразное отношение к религии: наряду с православием, наблюдаются, причем гораздо чаще, проявления языческого суеверия или откровенного атеизма. Однако для юганцев и чувашей соблюдение религиозных традиций по-прежнему сохраняет большое значение.

Образ жизни, хозяйство и материальная культура. Проведенные ранее исследования⁸ показывают, что все четыре этнические группы в XX в. представили на Демьянке хозяйственные комплексы с отличающимися в той или иной мере системами землепользования, причем отличия были вызваны не вариативностью средств в борьбе за ресурсы, а изначальным этническим своеобразием. Выраженные полюса в этом отношении представляли кочующие эвенкийские оленеводы и чувашские хлебопашцы, разрабатывавшие поля в тяжелейших природных условиях верховьев реки.

Долгое время занятие оленеводством определяло кочевой образ жизни демьянских юганцев и эвенков, что, конечно же, сильно отличало их от русских, чувашей и стародемьянских хантов. При этом у юганцев была довольно отлаженная система маршрутов, а у эвенков повторяющиеся сезонные перемещения сочетались с переездами на новое место кочевий. Тем не менее, демьянское оленеводческое хозяйство исчезло: у эвенков — к 1960-м гг., у юганцев — к 1970-м. Правда, старики-эвенки какое-то время продолжали вести бродячую жизнь, меняя раз в несколько лет места проживания.

Земледелие тоже перестало быть отличительной чертой русских и чувашей: выращивание хлеба в тайге с 1950-х гг. не было уже жизненно насущным, а огородничество постепенно распространялось среди юганцев и эвенков. В наши дни набор занятий и система землепользования жителей Демьянки довольно унифицированы, и имеющиеся различия скорее связаны с конкретными условиями местности, нежели с этническим фактором. Основными хозяйственными занятиями всех четырех этнических групп являются охота и рыболовство, дополняемые огородничеством

⁸ См.: Адаев В. Н. Указ. соч. С. 4–6.

и животноводством, у всех на угодьях есть несколько сезонных избушек.

Однако, несмотря на то что образ жизни и хозяйственный комплекс населения Демьянки с годами нивелировались, остались еще некоторые скрытые различия, касающиеся внутренней мотивации жить именно такой жизнью. Почему часть русских и чувашей не выехала из демьянских лесов, когда здесь ликвидировали школы и магазины, и напротив, почему за период 1970–2000-х гг. на угодьях осели и завели семьи еще несколько русских жителей? Довольно образно и верно по сути это объясняется в следующем высказывании: «Для хантов и тунгусов лес — это ихнее выживание. А вот русские, хохлы, белорусы, все, кто в лес уходил, — это все люди сильные духом и необиженные здоровьем. Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. И в тайгу не пойдет — там не озолотишься. Туда идут такие... ну, если сказать по-русски, с придурью люди. Там романтики немного. Там — адский труд» (Николай С., 1946 г. р., русский житель Уватского Прииртышья).

Этническое своеобразие лесной жизни выражается не только в системе хозяйственных занятий, но и в предметах материальной культуры.⁹ Орудия промысла, инструменты, транспортные средства, бытовая утварь, постройки — все это может иметь существенную специфику. Весьма своеобразные комплексы материальной культуры представляли в начале XX в. юганцы и эвенки. Русские, чуваша и стародемьянские ханты демонстрировали альтернативный вариант предметного ряда с небольшой этнической спецификой для каждой группы, проявлявшейся в основном в стилистике орнаментации утвари. С учетом того, что эвенкийский комплекс материальной культуры довольно быстро «обрусел», со второй половины XX в. на Демьянке сосуществуют лишь два «полновесных» варианта вещного мира — русский (сибирско-старожильческий) и юганский.

Рассмотрим, насколько существенна разделяющая их граница. Ко времени массового переселения многие элементы материальной культуры русских старожилов, сближали их с хантами (лабаз, облас, чувал, лыжи-подволоки и др.). Однако при внешнем сходстве

хантыйские и русские предметные аналоги отличались деталями конструкций, формой, принципом их изготовления и т. д. Так, у хантов и русских существенно различалась конструкция насторожки охотничьих слопцов; первые делали ловушки-морды из кедровых планок, а вторые — из веток тальника и черемухи; хантыйские лыжи были из кедра, русские — из ели и т. д.

Хозяйственная специализация и культурные особенности народов становились прочной основой для торгово-обменных отношений, что само по себе поддерживало имеющиеся различия. Ханты и эвенки приобретали у русских и чувашей предметы ремесленного производства, ткани, неводники, муку, овечью шерсть и конский волос, а те, в свою очередь, — промысловую обувь, лыжи-подволоки, обласа, нарты, мясо.

Со временем материально-культурное сближение усиливалось. Юганцы освоили технологию строительства ледников, коптилен, более просторных жилищ, сменили чувал на железную печь и т. д. В обиход русских старожилов постепенно входили некоторые предметы быта хантов. Для отдельных семей хантыйская культура стала особенно близка. Так, в одной из них супруг говорил по-хантыйски, освоил многие хантыйские приемы и орудия промысла, изготавливал домашнюю утварь по юганскому образцу. Его жена шила шубы из сборного меха, нырики, занималась бисероплетением, пользовалась лиственничной корой для окраски кожи.

Тем не менее, хотелось бы акцентировать внимание и на других примерах, демонстрирующих полное неприятие элементов материальной культуры другого народа. Вот, например, рассказ об оказании первой помощи ребенку юганских хантов русскими из поселка в низовьях Демьянки: «Привезли этого ребеночка. А он... Они сшили из бересты вот такую вот штуку и туда ребеночка ложили. Там, видимо, завернули его в заячью шкуру. Под низ положили оленью шерсть и гнилушки. Я пришла, они говорят: “Господи, мы ведь его едва отмыли! Он, не представляешь, он весь там в шерсти был”» (Валентина Л., 1948 г. р., русская старожилка Демьянки). Второй пример рассказывает о недавнем неудачном опыте завоза валенок юганцам: «Вот, вздумали хантам валенки закупить. Истратили на них — будут ходить. А как они будут в них ходить? Пусть она попробует в валенках в туалет сходить.

⁹ Подробнее об этом см.: Адаев В. Н. О межкультурном взаимодействии русских старожилов и хантов р. Демьянка в XX в. // Русские: Материалы VII Сиб. симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 254–259.

Она не сядет на унитаза, не то что здесь» (Николай С., 1946 г. р., русский житель Уватского Прииртышья).

Правовой статус — это еще один поддерживающий этнические границы фактор. Дело в том, что исторически ханты и эвенки обладали первоочередными правами на демьянские угодья. Даже перераспределение охотничьих угодий в 1920-е гг. было проведено с учетом потребительских нужд северных народов. Введенные после революции строгие правила охоты и запреты на промысел не применялись в отношении кочующих инородцев — юганцев и эвенков.¹⁰ В меньшей степени эта линия льготно-правовой политики по отношению к северным народам сохранялась в дальнейший советский период, но с 1990-х гг. поддержка коренного населения вновь активизировалась. Уватский район был официально отнесен к территориям проживания коренного населения, а в число коренных народов Тюменской области наконец были включены эвенки. Принадлежность к национальности «ханты» или «эвенки» и занятие традиционными видами хозяйства стали гарантией получения определенных материальных благ и льгот.

Подводя итог данному разделу, отметим, что на фоне остальных этнических групп русские оказались практически обделенными яркими этнодифференцирующими признаками. В полной мере к ним нельзя отнести даже русский язык и типичный набор предметов материальной культуры. Напрашивается вывод: в категорию русских автоматически попадали те, кто оказывался за пределами границ других этнических групп.

Дрейф идентичности

Данное понятие, введенное В. А. Тишковым, подразумевающее «путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций и систем»,¹¹ подводит к пониманию зыбкости описанных выше границ.

Если оставить в стороне одновременную идентификацию себя в качестве представителя этноса и составляющей его группы, то для территории Демьянки этот процесс представлен в трех формах. Первой из них является своеоб-

разная «этническая мимикрия». Упомянутая выше выгода принадлежности к кореным народам Севера способствовала активным стараниям местных жителей оформить «нужную» национальность. Отмечены, в частности, попытки потомков стародемьянских хантов сменить национальность «русский» на «хант». Почти все они оказались безрезультатны, так как уже с 1930-х гг. стародемьянские ханты значились в местных документах как «русские». Другим направлением была смена национальности потомками демьянских эвенков. Еще в 1990-х гг. эвенки не причислялись к кореным северным народам Тюменской области, и кто-то из них в этот период оформил себе национальность «хант», пользуясь старой путаницей с трактовкой этнонима «остяк», а один ухитрился приписать себе национальность мансийской супруги. В новых условиях конца 2000-х гг. те же люди стали фигурировать уже как «эвенки» или «тунгусы». Еще одной линией являются неудачные попытки русских, женившихся на юганках, оформить себе хантыйскую национальность. Один из них с этой целью даже взял фамилию жены.

Отдельно стоит сложный вопрос о самоидентификации демьянских юганцев. С одной стороны, они сохранили прежнее самоназвание, поддерживают брачно-родственные связи с Большим Юганом, некоторые участвуют здесь в обрядах жертвоприношения; с другой — они уже длительное время проживают на Демьянке, для многих она стала местом рождения, и в некотором смысле они — правопреемники стародемьянских хантов. Интересная деталь: у юганцев есть легенда о былой войне их предков с демьянцами, по завершении которой юганские богатыри пришли и «заклинали Демьян», чтобы на нем «никто не жил, не родился». Слушая эту легенду, неоднократно приходилось наблюдать, как рассказчики невольно начинали говорить о юганцах «они», а о месте, куда те пришли, — «к нам».

Наконец, есть основания говорить о признаках формирования общей идентичности жителей Демьянки. Текущий интеграционный процесс проявляется в том, что в круг местных брачно-семейных связей начала включаться последняя эндогамная группа — юганцы. В начале XX в. их внешние брачные связи на Демьянке включали эвенков, но во второй половине века эвенки переключились на более престижные союзы с чувашами и русскими. Вплоть до 1980-х гг. редкие неудачные

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 565. Л. 158об., 159.

¹¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 123.

попытки русских образовать семейные пары с хантыйками служили лишь темой местных анекдотов. К настоящему времени таких пар на Демьянке уже пять. Зафиксирован даже вариант самоназвания демьянской общности — «демьяношные». Однако намечающийся процесс ни в коей мере не препятствует сохранению идентичности всех четырех этнических коллективов.

Заключение

Рассмотренная картина функционирования этнической идентичности на демьянской территории представила ряд весьма интересных моментов. Обращает на себя внимание сложная, во многом противоречивая система распространенных здесь этнонимов (отдельно стоит отметить специфичную местную трактовку широкоизвестного термина «остяк»).

Как показали материалы, уровень дробности в идентификации чужой этничности может определяться не только компетентностью, но и характером отношений между группами.

При очерчивании структуры признаков, определяющих этнические границы, была выявлена разноплановость этнодифференцирующих факторов для каждого из четырех рассматриваемых коллективов. Наибольший интерес представляет необнаружение собственных выраженных границ (барьеров) демьянской общностью русских. Современные процессы смены / формирования новых идентичностей характеризуются разнонаправленностью и демонстрируют гибкий характер субстанции этничности.

Важным итогом работы является и апробация методики, которая может быть использована в дальнейших исследованиях этничности.

Ключевые слова: река Демьянка, этническая идентичность, этнодифференцирующие признаки, этнический стереотип, этнические границы

“AND THE OSTYAKS — THEY ARE THE LOVERS OF SOLITUDE...”: ETHNIC IDENTITY AND ETHNIC STEREOTYPES OF THE DEMJANKA RIVER POPULATION IN THE 20TH–21ST CENTURIES

The article describes the characteristics and manifestations of ethnic identity in the multi-national population of the taiga territory on the Demjanka river. The study is focused on the four groups — the Khanty, the Evenks, the Russians and the Chuvash. In the process of building a structure of characteristics marking the ethnic boundaries the author noticed the diverse nature of ethnic differentiation factors for each of the groups. Modern processes of the change / evolution of new identities do not follow a single development vector and demonstrate a flexible nature of ethnicity.

Vladimir N. Adajev